

УДК 809

Горлова И.И., Чумаченко В.К.

«Казачья составляющая» в литературе русского зарубежья

Аннотация. Статья посвящена литературным традициям южно-российского казачества, которые в ситуации «вне родины» не только не заглохли, но и парадоксальным образом получили мощный импульс к качественно новому этапу развития, ярко проявившемуся как в собственно литературной, так и издательской, библиографической и архивной деятельности этой части русской эмиграции.

Ключевые слова: Донское казачье войско, Кубанское казачье войско, Терское казачье войско, казачье зарубежье, казачья библиография, казачьи архивы, издательская деятельность казаков.

1920-й – черный, трагический год в истории российского казачества. Значительная его часть (по разным оценкам около 15–20 тысяч человек), не смирившись с итогами Гражданской войны, покинули страну и во главе с «походными атаманами» ушли в бессрочный «поход», продолжавшийся семь десятилетий. Ушли организованно, не уронив чести и не бросив оружия, унося с собой святые войсковые реликвии и горсти земли, взятые с молитвой на родных подворьях. Клялись обязательно вернуться назад. Не их вина, что большинству данных тогда обещаний не суждено было сбыться. Сиротливые могилы разбросаны сегодня на предместных погостах Варшавы и Праги, Белграда, Софии и Парижа. Казачьи кости с разоренных православных кладбищ доедают желтые дожди Харбина и Шанхая, высушивают знойные ветры южноамериканских и австралийских прерий. Можно констатировать, что феномен казачьего зарубежья закончил свое существование, став достоянием историков, культурологов, книговедов и литературоведов. Последние выделены здесь не случайно. Несмотря на то, что история книги и история литературы являются частью большой и всеобъемлющей истории культуры субэтноса, каковым с недавних пор признано казачество, в эмиграции они приобрели такое значимое место, что сами по себе представляют отдельный научный интерес. Например, ученые, пытающиеся сосчитать одно только количество выходивших в изгнании казачьих периодических изданий, начинают пробуксовывать в своих подсчетах лишь на седьмом десятке. И это говорит о многом.

Говоря о необычной массовости литературного движения в эмиграции, следует напомнить, что до революции местные казачьи традиции в литературах Дона, Кубани и Терека напротив едва просматривались на общем довольно безликом фоне, образуемом попытками местных драмоделов обогатить провинциальный театр новыми сентиментальными историями из жизни южан, плюс лирические перепевы второсортных классиков, типа С. Надсона, сюда же для полноты картины отнесём и тексты для жестоких романсов, писавшиеся по заказу местных самодеятельных композиторов. Рассмотреть что-то дельное, живое, способное к дальнейшему росту в этом наборе сплошных банальностей было непросто. Дело доходило до того, что известный кубанский культурный деятель Степан Иванович Эрастов (1867–1933), не надеясь пробудить глубоко спящие таланты в своих земляках, затеялся на рубеже веков вить местное «литературное гнездо» из пришлого элемента, сознательно завлекая в край возможностью престижного трудоустройства и достойных заработков зарекомендовавших себя молодых литераторов и журналистов из других мест. И не случайно в казачьих землях тогда называли писателями не только беллетристов, но и профессиональных историков, ибо только приплюсовав к области литературы их научные труды можно было говорить о наличии на пограничных территориях империи более-менее развитой словесности, свидетельствующей об окончании эпохи дикого и некультурного существования и приходе в эти уже достаточно обжитые места долгожданного просвещения и прогресса. Лишь на миг сверкнула искра подлинной лиричности, когда разразилась Первая мировая война (Вторая Отечественная, как называли её современники), но вскоре и она погасла, так как уже через год-полтора с её начала первоначальный патриотических восторг сменился разочарованием и унынием.

Что же произошло с маленькими литературными ручейками казачьей словесности за рубежом? Почему они так быстро стали превращаться в полноводные речки и озерца? Мы объясняем это превращение несколькими обстоятельствами. Во-первых, для того, чтобы ощутить себя писателем, надо быть как минимум грамотным. К счастью, накануне первой мировой войны уровень грамотности в казачьих областях достигло высокого качественного уровня. Добротные станичные школы как для казаков, так и для иногородних уже не уступали аналогичным земским учреждениям центральной России, а кое-где, благодаря новому поколению прогрессивных педагогов и щедрому вложению средств в материальную оснащенность, даже превосходили их. Во-вторых, эмигрантами, прежде всего, стали молодые люди, успевшие получить воинские звания, в том числе офицерские, что предполагало обучение в различных воинских учебных заведениях среднего уровня. Конечно, в условиях войны воинские курсы были сокращенными и ускоренными, но, тем не менее, в их обучающие программы обязательно входили просветительские беседы, готовившие рядовых казаков к переходу на более высокую социальную ступень. И, в-третьих, мировая и гражданская войны, стали такой школой жизни, таким эмоциональным шоком, что невольно провоцировали героев недавних кровавых событий высказаться на бумаге, передоверить ей свои фобии и начать жизнь с белого листа. Что же касается адаптации к особенностям заграничной жизни, то для казачьего сословия она была делом привычным. Служить и даже воевать за кордоном – для казака было привычным делом, почти рутинной составной частью казачьей службы еще для их дедов, и отцов, для которых слова Персия, Турция, Болгария, Царство Польское, Финляндия, Галиция, были не отвлеченными географическими

понятиями. Оказавшись за рубежом и прослышав об акциях помощи русским беженцам в получении образования, недоучившаяся молодежь быстро наполнила университетские аудитории различных стран, особенно Чехии. Так что небольшая, но амбициозная армия пишущих людей организовалась быстро и вскоре предъявила читающей публике свои литературные опыты.

История литературного казачьего зарубежья пока монографически не описана, хотя предпосылки для создания такого обобщающего труда уже имеются. Закладывались они уже в первые годы эмиграции путем создания и активного пополнения зарубежных казачьих войсковых архивов, организации литературных объединений с задачей воспитания новой «казачьей литературной семьи», основания первых книжных издательств и периодических изданий, биографического и библиографического описания всего этого разрастающегося на глазах литературного хозяйства.

Итак, первыми «провокаторами», побуждавшими казаков к описанию полученного жизненного опыта, свидетельствованию о ярких исторических событиях, участниками которых они были, стали вновь возрождаемые казачьи архивы. Они не просто собирали исторические документы, а регулярно обращались с призывом передавать свои воспоминания к себе на хранение.

Широко известна судьба Донского архива, который, возникнул еще в 1919 г., был вывезен затем в Белград, в 1925 году переправлен в Прагу, где широко использовался при издании «Донской летописи» и различных книг по истории Дона [8, с. 10]. На его основе был образован Донской казачий архив, который в 1927 году начал свое самостоятельное существование. Даже после его передачи в 1934 г. (из-за финансовых трудностей и по настоятельной рекомендации страны пребывания) в Русский заграничный архив, он сохранял свой автономный статус. Накануне известных событий 1938 года, приведших к аннексии Чехословакии, в архиве содержалось уже помимо прочих документальных богатств 902 названия рукописных мемуаров и дневников объемом около 4 тысяч печатных листов [8, с. 12]. В 1945 г. Донской архив в составе Русского заграничного архива был вывезен в СССР в качестве так называемого подарка чехословацкого правительства Академии наук СССР и ныне широко доступен исследователям.

Менее известна судьба Кубанского заграничного архива. Некоторые исследователи казачьей эмиграции даже не подозревают о его существовании. Так краснодарец О. В. Ратушняк утверждает даже, «что у кубанцев не было за границей своего архива и его функции были возложены на Историческую комиссию Кубанского казачьего войска», образованную в 1938 г. во главе с атаманом В. Г. Науменко, [6, с. 54]. Очевидно, исследователя подвело недостаточное знакомство с чехословацкой казачьей периодикой той поры, которая подробно освещала историю создания Кубанского заграничного архива, его работу и самые яркие достижения. Возник архив в 1925 году по решению Общего собрания Общества кубанцев в ЧСР. В его задачу входили сбор, хранение, приведение в порядок и научная разработка материалов, которые касаются истории Кубани и кубанской эмиграции. Заведующим архивом стал П. Л. Макаренко, а председателем Совета избрали историка, профессора Ф. А. Щербину. С сентября 1929 г. архив находился под протекторатом Министерства иностранных дел Чехословацкой Республики, который оплачивал аренду помещения, его освещение и отопление. Работал архив по адресу Praha IV. Loretanske, n.

109. В 1931 г. архив рапортовал, что уже собрано «много ценных материалов по истории Кубани до революции 1917 г., а также о жизни Кубани под московской большевистской властью», что «поступила значительное количество материалов о пребывании кубанцев в Крыму, на о. Лемносе и т. д.». Пользуясь случаем, Управа Общества кубанцев и Рада Кубанского Закордонного Архива вновь обращалась ко всем кубанцам с призывом о поддержке этой очень полезной для родного края работы и просила присылать новые материалы, и опять таки акцент делается на воспоминания и дневники [2. С. 24]. Эти материалы очень скоро пошли в дело, когда пражский журнал «Вольное казачество» стал из номера в номер публиковать историческое исследование в пяти частях под названием «Трагедия казачества» (1933–1939). Грандиозный труд печатался без указания на авторство. Никто не решился поставить имя под текстом, рожденным на основе сотен воспоминаний других свидетелей недавних исторических событий. Лишь в послевоенное время этот вопрос дискутировался в казачьей печати. Выдвигались различные версии, но точку в этом вопросе поставил кубанец Ф. В. Пухальский, доказавший [5], что всю работу по своду воспоминаний земляков воедино осуществил Председатель общества кубанцев, заядлый библиофил и талантливый историк-самоучка, бывший член Кубанской казачьей Рады П. Л. Макаренко (1884–1970). Ряд ценных фактов о деятельности архива, персональном составе его сотрудников и сети корреспондентов доносит до нас недавно изданный сборник документации Русского заграничного архива, по-прежнему хранящейся в Праге [7]. А сам архив, его фонды, нам удалось обнаружить в Киеве в Центральном государственном архиве высших органов власти (ф. 3979). В его составе: первые два тома «Воспоминаний» Ф. А. Щербины, Воспоминания И. Бойко «В стане бело-зеленых», воспоминания Ф. Удовико о восстании на Кубани под предводительством генерала Пржевальского и многое другое.

Актуализация жанра воспоминаний была лишь частью литературного процесса в эмиграции. Молодежь была готова на большее. Многие увлекались поэзией С. Есенина, были поклонники и у В. Маяковского, Б. Пастернака, А. Ахматовой. Ощущалась тяга к объединению и профессиональному общению. Так 9 июня 1925 г. в Праге было создано объединение «Семья молодых казачьих литераторов». В него вошли поэты Борис Кундрюцков Николай Келин, Павел Поляков, Юрий Гончаров, Алексей Персидсков, Константин Поляков, Любовь Самсонова, Петр Крюков, прозаики Михаил Самсонов и Терентий Стариков. Все – донцы. Учредительное собрание проходило «у Флека», знаменитого пивовара, заведение которого насчитывало несколько столетий – излюбленное место сходов студенческой молодёжи. Эту знаменитую «пивницу» украшали знамена старого пражского студенчества, бившегося под ними за свободу и честь отчизны, здесь за одним из столов по преданию писал своего «Фауста» Й. Гёте, поэтому акция получилась торжественной и пафосной. Ведь перед молодыми литераторами стояла грандиозная, по их мнению, задача создать казачью литературу, поскольку предшественников у них на родине, даже до революции, практически не было. Родившийся на собрании девиз гласил: «Движение вперед! Казачья краевая литература! Во всем красота и художественность!» В принятом по этому случаю «Акте» говорилось «Озаренные любовью к Казачеству, мы смело поднимаем Вольное знамя, знамя художественной казачьей литературы и будем биться за него до последней капли крови. Убывающие из строя будут передавать его преемникам, но ни на минуту не свернется и не падет на землю его широкое полотнище!» [1, с. 7]. 31 декабря 1925 г. на очередном собрании

объединения было решено поменять название и с сего дня именоваться «Литературной казачьей семьей». Так создавалась зарубежная литературная страничка словесности Дона. Судьба её была благоприятной, ибо с первых шагов молодых литераторов взял под свою опеку журнал-долгожитель «Вольное казачество» (1927–1939), выходивший к тому же дважды в месяц. Он регулярно публиковал новые произведения членов этого литературного объединения, печатал их портреты, сообщал о выходе их первых книг, публиковал некрологи и странички памяти о тех, кто ушёл из жизни молодым. В наше время большая часть перечисленных литераторов, взывавших когда-то к духам Гете и Федора Крюкова, вернулись своими книгами на родину, и, в первую очередь, – самые талантливые: Ю. Гончаров, П. Поляков, Н. Келин и др. Правда, особой заслуги государства в этом нет, ибо издателем выступил краевед-энтузиаст, неутомимый собиратель казачьих архивов К. Н. Хохульников, которому удалось охватить своим поиском не только зарубежный Дон, но и по существу весь закордонный Терек.

Гораздо труднее пришлось кубанским литераторам. Войсковой официоз «Кубанский казак» (он же «Кавказский казак») хоть и выходил в Белграде ежемесячно, но тоненькой тетрадкой и весьма скупо выделял странички под художественное слово, делая исключение разве что для стариков: А. Пивня, Г. Шевеля, Ф. Щербины. Пишущая молодежь и её творческие проблемы в нём никого не волновали. Кому-то удавалось опубликоваться в пражском информационном журнале «Про Кубань» (1925–1931), кто-то лелеял надежды на «Наш край» (1927–1928), задуманный как принципиально двуязычный, русско-украинский орган, объединяющий творческие силы черноморцев и линейцев (скончался на следующий год после выхода второго номера) [10].

1931–1932 гг. – это пик деятельности в эмиграции Союза кубанских писателей и журналистов. В 1931-м в нем состояло 20 членов, проживавших в Чехословакии, Франции, Югославии, Болгарии и Румынии. Возглавлял Союз главный редактор выходившего в Праге двуязычного журнала «Вольное казачество – Вільне козацтво» И. А. Билый. В следующем году председателем был избран Ф. А. Щербина, товарищем председателя – Г. В. Омельченко, а членами правления Ф. К. Воропинов и А. С. Медяник. Смена руководства оказалась фатальной для судьбы самого Союза и для его печатного органа – парижского журнала «Кубанское казачество». Обиженный И. А. Билый повел раскольническую политику, потребовав, чтобы постоянные авторы возглавляемого им пражского «Вольного казачества» вышли из писательского объединения. В противном случае им грозило отлучение от журнала. Писатели заметались между двух огней. Некоторые (Г. Шевель, А. Пивень) выступили в печати с публичным осуждением неприкрытого шантажа и были лишены возможности печататься в самом «литературном» из всех журналов казачьего зарубежья, выходившем два раза в месяц и, что немаловажно, выплачивавшем авторам гонорары. В конце концов, основные силы перешли все-таки на сторону И.А. Билого. Однако «прощенному» А. Пивню разрешили печататься впредь только под новым псевдонимом О. Ходькевич-Сапсай [12].

Коротко остановимся на характеристике «историко-литературного и иллюстрированного журнала» «Кубанское казачество», который позиционировал себя как печатный орган кубанского литературного сообщества. Среди впечатляющего обилия казачьей периодики двух межвоенных десятилетий он выгодно отличался хорошим подбором авторов, качественными материалами и общей высокой

культурой издания. Объясняется это тем, что в качестве издателя выступило Общество ревнителей Кубани, объединявшее в эмиграции кубанских военных историков-любителей, а выпускался журнал под редакцией «коллегии кубанских казаков» при деятельном участии международного Союза Кубанских писателей и журналистов.

Программа журнала изложена в «Обращении к кубанскому казачеству», опубликованном на последних страницах двух первых номеров. В нем говорится: «Общество ревнителей Кубани, имеющее свой центр в Париже, задалось целью – в своем журнале «Кубанское казачество» историко-литературным материалом, историческими и характерными снимками, гравюрами, рисунками – воскрешать в памяти родных казаков былое нашей Матери-Кубани, освещая и воспевая Ее, родную нашу Кубань-Отчизну, наше дорогое нам, растерзанное, обескровленное и распятое на кресте Кубанское казачество, наше славное и незаменимое ничем Кубанское Казачье Войско, – распятое, но еще живое и в муках нечеловеческих страданий – горящего «Жить»».

Ко всем Кубанским Казакам – от высоких до рядовых рангов, от ученых до землеробов, от богатых до «сиромы», от Вольных до Императорских казаков – наш призывный голос – кто живет мыслью о Родине, кто не ушел в житейское море обывательщины и безразличия, кому дорог путь «Туда, к родным Казачьим берегам – принять живое участие в нашем стремлении».

Редакция призывала казаков писать «статьи, заметки, воспоминания, описания, бытовые эпизоды», писать на чём попало и как попало. «За бедностью – пишите кровью и на сахарной бумаге, лишь был бы в писанном смысл, душа, казачий взлет, песнь и тоска, плач и жарт, лишь бился б пульс жизни и болезни по нашему милому и загубленному Казачеству Кубанскому...». Земляков просили также присылать «характерные бытовые и исторические Войсковые снимки, гравюры, портреты, картины, рисунки».

Обращение заканчивалось словами: «Все будет принято, просмотрено, использовано и возвращено с благодарностью. В добрый час – Родные Кубанцы – отзовитесь!» В подписи под обращением раскрываются имена тех, кто непосредственно занимался журналом. Это председатель Правления Общества Ревнителей Кубани полковник Ф. И. Елисеев и члены Правления: полковник И. В. Белый, подъесаулы А. Н. Толбатовский и Е. М. Якименко.

Все три номера Кубанского казачества оформлены однотипно. Верхняя часть обложки представляет собою логотип. На нем изображена эмблема: в круге на фоне условного кубанского пейзажа изображена сторожевая вышка, ниже две перекрещенные сабли и надпись полукругом: «Кубанское Казачье войско». Позади круга перекрещиваются знамена двух старейших кубанских полков: 1-го Хоперского и 1-го Черноморского. Центральную ось создает атаманская булава, также находящаяся позади круга, из-за которого видна лишь верхняя и нижняя часть символа атаманской власти. Под рисунком дается название журнала на русском и французском языках, его почтовый адрес и сведения об издании, издателе и редакторах. Нижнюю часть каждого титула занимает групповое фото: Хоперцы (№ 1), Таманцы (№ 2) или рисунок: Пластуны 1854–1855 гг. – из коллекции лейб-гвардии Атаманского полка подъесаула Семенченкова (№ 3). В конце каждого

номера публикуется список изданий, которые можно приобрести через редакцию журнала: книги членов Общества ревнителей Кубани, Союза Кубанских писателей и журналистов, вышедший при их поддержке «кубанский» номер журнала «Россия». Начиная со второго номера, также в конце, дается роспись содержания всех вышедших до этого номеров, с тем, чтобы новые читатели при желании могли восполнить недостающие [11].

В журнале опубликованы очерки С. Федорова (Лантуха) «Великое войско Кубанское» (1688–1872) (№ 2), «Пластуны» (№ 1, 3), «Атаман Кухаренко» (№2), а также статья, посвященная 20-летию его журналистской деятельности (с фотографией), и воспоминания сотника А. Медяника «Первые казаки-воздухоплователи (Кубанский Казачий Воздухоплавательный дивизион)», первым командиром которого был полковник С. А. Федоров, затем выпускник Подебрадской хозяйственной академии и философского факультета Украинского вольного университета в Праге, доктор прав, инженер-экономист (№ 3). Таким образом, по количеству публикаций и материалов о нем уроженец станицы Лабинской С. А. Федоров может быть назван основным автором данного издания. Определенный исторический интерес представляют также записки кубанского войскового протоиерея Гр. Ломако «Церковная жизнь на Кубани со времен прибытия запорожцев до последних дней» (№ 1), Ф. Елисеева «Лабинцы и последние дни на Кубани» (№ 2), воспоминания генерала П. Кокунько о ставропольском казачьем юнкерском училище (№ 1), С. Машенко о екатеринодарской военно-фельдшерской школе (№ 2) и Ф. Елисеева об оренбургском казачьем военном училище (№ 3). Особо стоит отметить публикацию отрывка «Битва казаков с черкесами» из обширных воспоминаний Ф. А. Щербины (№ 3), публикация которых в полном объеме осуществилась на родине лишь теперь [13]. Из-за финансовых трудностей и идейной борьбы, раздиравшей первую волну российской эмиграции, «Кубанскому казачеству» было суждено продержаться лишь три номера. На третьем номере закончилась жизнь и другого интересно задуманного журнала «Чорноморець», печатавшегося на «кубанской мове». Но причиной его смерти, как и десятков других казачьих изданий, стало начало Второй мировой войны. К сожалению, однотомник в многотомной серии «Кубанская библиотека», посвященный казачьей литературной эмиграции, до сих пор не вышел. Но вот уже 17 лет для кубанских читателей открывает имена казачьего литературного зарубежья журнал «Родная Кубань», редактируемый известным русским писателем В. И. Лихоносовым. У нас с журналом хорошие партнерские отношения, многие знаковые публикации подготовлены при участии наших сотрудников.

И совсем коротко о казачьей библиографии. Многое о том, что, когда и где выходило, кто эти авторы мы знаем благодаря тому, что первая волна казачьей эмиграции выделила из своей среды двух талантливых казаковедов: кубанца Михаила Хомича Башмака [9] и донца Александра Константиновича Ленинова. С первых эмиграционных дней они вели свою библиографическую летопись. Но если первый из них был сосредоточен на росписи книжно-журнальной продукции, то второго больше интересовали авторы, их судьбы и, конечно, все что написано ими и о них. Результатом деятельности Башмака стала «Казачья библиография» за 1920–1941 г., публиковавшаяся с продолжением на страницах «Казачьего вестника» с 15 марта 1942 по 1 марта 1944. А. К. Ленинов опубликовал десятки библиографических очерков в американском журнале

«Казачья жизнь», которые затем было объединены в двухтомнике «Галерея казачьих писателей» [3, 4].

Литература казачьего зарубежья – сравнительно новое направление в научно-исследовательской деятельности Южного филиала Института Наследия, но оно уже хорошо зарекомендовало себя в работах наших сотрудников. Налажены хорошие рабочие отношения с крупнейшим хранилищем эмигрантской литературы – Славянской библиотекой в Праге. Но пока не было ни одной научной конференции на эту тему ни в Краснодаре, ни в Ростове-на-Дону, ни во Владикавказе. У нас уже сформулированы интересные предложения о её проведении коллегам из названных регионов. Имеется большая заинтересованность и со стороны исследователей из Калмыкии. Думается, участие в данной конференции, обмен опытом с крупнейшими отечественными и зарубежными специалистами позволит нам сделать новые шаги в правильном направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Колесов И. Литературная казачья семья (к трёхлетию юбилею) // Вольное казачество. – 1928. – № 13. – С. 7–9.

[2] Кубанський архів // Про Кубань. Видання Громади Кубанців в ЧСР. Прага. Квітень. № 43. С. 24.

[3] Ленизов А. К. Галерея казачьих писателей: историческое следование. В 2 т. Т.1. – Нью-Йорк, 1968. – 366 с.

[4] Ленизов А. К. Галерея казачьих писателей. В 2 т. Т. 2. – Нью-Йорк, 1970. – 310 с.

[5] Пухальский Ф. В. Необыкновенная история (К вопросу авторства «Трагедии казачества»). – Лос-Анджелес, Калифорния, 1972. – 26 с.

[6] Ратушняк О. В. Культура казачьего зарубежья (1920–1930) // Культурная жизнь Юга России. – 2015. – № 2. – С. 52–56.

[7] Русский заграничный архив в Праге – документация. – Прага, 2011. – 564 с.

[8] Фонды русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. – М.: РОССПЭН. 1999. – 671 с., илл.

[9] Чумаченко В. К. Библиограф казачьей эмиграции М. Х. Башмак // Информационная культура личности: прошлое, настоящее и будущее. – Краснодар, 1996. – С. 432 – 434.

[10] Чумаченко В. К. К истории казачьей периодики журнал “Наш край”(1927–1928 гг.) // Региональные аспекты информационно-культурологической деятельности. – Краснодар, 1998. – С. 174–175.

[11] *Чумаченко В. К.* К истории периодики казачьей эмиграции (парижский журнал «Кубанское казачество». 1931–1932 г. // Культура и образование в информационном обществе / Мат. межд. науч. конф. Краснодар, 16–18 сентября 2003 г. – Краснодар, 2003. – С. 196–200.

[12] *Чумаченко В. К.* Нарис про життя і творчість Олександра Юхимовича Півня, українського фольклориста і кубанського козачого письменника // Донецький вісник наукового товариства ім. Шевченка. Т. 4. – Донецьк, 2003. – С. 79 – 88.

[13] *Щербина Ф. А.* Собрание сочинений. Серия первая: неизданные сочинения. В 6 т. / под науч. Ред. В. К. Чумаченко. Т. 1–4: Пережитое, передуманное, осуществленное (воспоминания). – Москва; Краснодар, ст. Новодеревянковская, 2008–2014.

© Горлова И.И., Чумаченко В.К., 2016.

Статья поступила в редакцию 10.05.2016.

Горлова Ирина Ивановна,

доктор философских наук,

директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института

культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Краснодар),

e-mail: i.i.gorlova@gmail.com

Чумаченко Виктор Кириллович,

кандидат филологических наук, профессор,

Южный филиал Российского научно-исследовательского института

культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Краснодар),

e-mail: vchum@rambler.ru

Gorlova I., Chumachenko V.

'Cossack component' in Russian foreign Literature

Abstract. The article is devoted to the literary traditions of the South Russian Cossacks, which in an 'out of homeland' situation received a powerful impetus to a qualitatively new stage of development. It clearly manifested itself in the literary and publishing, bio-bibliographic and archival activities of this part of the Russian emigration.

Key words: Don Cossack army, Kuban Cossack army, Terek Cossack Army, Cossack abroad, Cossack bibliography, Cossack archives, publishing of Cossacks.

Gorlova Irina Ivanovna,

D. in Philosophy,

Director, Southern Branch of Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage

named after D.Likhachev, (Krasnodar),

e-mail: i.i.gorlova@gmail.com

Chumachenko Victor Kirillovich,

Ph.D in Philology, Prof.,

Senior Researcher, Southern Branch of the Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.Likhachev (Krasnodar),

e-mail: a vchum@rambler.ru